

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

RUSSIAN PHILOLOGY

УДК 82.01 / 09: 821.161[470.325]

АГИОГРАФИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ МЕМУАРНО-БИОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА В РУССКОЙ ДУХОВНОЙ СЛОВЕСНОСТИ XVIII–XIX ВЕКОВ

AGIOGRAPHIC CONTENT OF MEMOIRISTIC BIOGRAPHIC TEXT IN THE RUSSIAN RELIGIOUS LITERATURE OF THE XVIII–XIX CENTURIES

А.И. Жиленков
A.I. Zhilenkov

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State University, Russia, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: zhilenkov@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье исследуется традиционалистская поэтика мемуарно-биографического жанра. Предметом рассмотрения является жанровая форма как фактор особого типа средневекового художественного мышления. Мемуарно-биографические произведения представлены различными жанровыми модификациями, которые изучаются в соответствии с литературным процессом эпохи. Своеобразие биографизма в духовной литературе XVIII–XIX веков – в воплощении традиционалистской поэтики. Внимание концентрируется, прежде всего, на изучении традиционалистской поэтики мемуарно-биографических жанров, воплощенной в «каноне» и «законе».

Abstract

This article examines the traditionalist poetics of biographical text. The subject of consideration is the genre as a factor of particular medieval type of artistic thinking. Biographical works are represented in various genre modifications, which are studied in accordance with the literary process of the era. The originality of biographism in the spiritual literature of the XVIII–XIX centuries is the embodiment of traditionalist poetics. Attention is focused primarily on the study of traditionalists poetics of biographical genres, embodied in the «canon» and «norm».

Ключевые слова: русская литература XVIII–XIX веков, традиционалистское содержание и форма, жанр, биография, автобиография.

Keywords: Russian literature of the XVIII–XIX centuries, traditionalist content and form, genre, autobiography.

Введение

Мемуарно-биографические произведения являются неотъемлемой частью русской духовной словесности XVIII–XIX веков. Жанровая специфика определяется переходностью

этого периода – от традиционалистской эстетической эпохи к эпохе художественной модальности, когда художественное мышление перестает быть сугубо жанровым.

Средневековый биографизм, также как и система жанров средневековой литературы, в XVIII-XIX веках не отмерли. Они продолжали существовать в церковной среде. Духовная литература продолжала обогащаться множеством переводных и самостоятельных произведений.

Мемуарно-биографические произведения в отмеченный период развиваются в направлении к жанровому закону, сформировавшемуся еще в традиционалистскую эпоху и воплотившему средневековый тип биографизма, и потому можно выявить такие жанровые образования как агиографический жанровый закон, летописный жанровый закон, жанровый закон хождений, исповедей и пр. За жанровыми обозначениями Нового времени – записками, дневниками, автобиографиями и т.п. – четко просматриваются традиционалистские установки «основных» жанровых законов, выполняющих синтезирующую функцию по отношению к «дополнительным».

В данном исследовании биографии представляют интерес не столько как исторический источник, отражающий религиозно-философское мировоззрение, церковное сознание, специфическое эстетическое видение жизни, детерминированное культурой эпохи и художественным мышлением. Интерес представляет жанровая форма, воплотившая соответствующий идеологический комплекс.

В соответствии с логикой исследования внимание обращено, прежде всего, на те мемуарно-биографические тексты духовной литературы, которые по жанровой специфике необходимо отнести к «закону», а не к «канону», формы которого максимально совпадают с образцовой нормой и воплощает традиционалистский идеал, имеют прикладной характер – в отправлении церковного культа и дидактике, и подчиняются внелитературным задачам. Названия мемуарно-биографических произведений, воплощающий жанровый закон, уже не представляют собой жанровые определения с указанием на предмет повествования, они не входят в состав «обобщающих жанров», и не представляют собой «первичные формы» для образования более сложно организованных текстов, таких как четьи минеи, прологи, патерики, истории, не представлены в духовной литературе в различных тематических объединениях.

Основная часть

Мемуарно-биографические тексты в русской духовной словесности XVIII–XIX веков в большинстве своем выстраиваются в соответствии с житийным жанровым законом. Жанровой призмой для ретроспективного взгляда или сиюминутного фиксирования событий своей жизни могут служить различные типы житий – монашеские, святительские, преподобнические, миссионерские, Христа ради юродивых, праведников – связаны с особым типом духовного подвига. В произведениях мемуаристов часто объединяются повествовательные манеры названных типов житий, а также обнаруживаются жанровые мотивы мученичества, юродства, плачей, поучений, проповедей, молитв, многочисленных чудес.

Влияние агиографического жанра очевидно в мемуарно-биографических текстах Нового времени – в автобиографических записках и биографиях, дневниках и воспоминаниях, историографических и энциклопедических статьях, литературных портретах духовных лиц и некрологах.

В центре исследования обширный корпус мемуарно-биографических произведений, представленный *автобиографическими текстами*.

Схиархимандрит Паисий (Величковский). Автобиография. Святитель Иоасаф (Горленко). Собственноручные записки... Митрополит Платон (Левшин). Записки о жизни Платона... Митрополит Иосиф (Семашко). Записки... в 3 т.т. Митрополит Иннокентий (Вениаминов). Автобиографические записки. Архимандрит Фотий

(Спасский). Записки. Епископ Порфирий (Успенский). Книга бытия моего (Дневник и автобиография). Протопресвитер Бажанов В.Б. (императорский духовник). Автобиография. Архиепископ Савва (Тихомиров). Хроника моей жизни в 3 томах. Митрополит Филарет (Дроздов). Воспоминания. Игуменья Евгения (княгиня Мещерская). Записки. Архимандрит Антоний (Капустин). Записки, путевые записки, дневники. Протоиерей Иоанн (Кронштадтский). Личный дневник. Серафим Святгорец (Веснин). Мои келейные записки. Из воспоминаний Святителя Филарета. Епископ Игнатий (Брянчанинов). Плач мой. Архимандрит Савва (Тихомиров). Хроника моей души. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. Митрополит Арсений (Мацеевич). Автобиографическое показание. Священник И.Б. Пенягин. Реестр вещей достопамятных, случившихся в 1769 году. Д. Слюсарский. Записки писаря Киевского магистрата... о киевских событиях с 1734 по 1778. Г.И. Добрынин. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина... им самим писанное.

Биографические тексты. Русский биографический словарь. – СПб., 1902 (20 т.т.). Жизнеописания подвижников благочестия XVIII – XIX в.в. Сочинения по истории русской церкви (в них жизнеописания духовных лиц). Архиепископ Никанор (Бровкович). Биографические материалы. Т.1. – СПб., 1900. Митрополит Гавриил (Петров). Вопреки веку Просвещения. Жизнь. Творчество. Кончина. Снычев Иоанн. Жизнь и деятельность Филарета, митрополита Московского. Принадлежу всем вам. Жизнеописание игуменьи Спасо-Бородинского монастыря Марии (Гучковой). Иеромонах Климент (Зедергольм). О жизни и трудах Никодима Святогорца. Иеромонах Климент (Зедергольм). Иеродиакон Палладий. Горев М. На службе Богу. Из жизни русских подвижников XIX столетия. Митрополит Нестор. Материалы и биографии. О святителе Филарете. Воспоминания арх. Амвросия (Ключарева). Воспоминания епископа Леонида (Краснопевина). Из воспоминаний Н.В. Сушкова. Из воспоминаний архимандрита Антония (Медведева). Из воспоминаний А.Н. Муравьева. Отклик И.С. Аксакова на кончину святителя Филарета. Серафим Святгорец (Веснин). Русские иноки на святой горе Афонской от исхода X в. до пол. XIX в. Священник Жданов. Встреча с Петром Великим. Архиепископ Феофан (Прокопович). Краткая повесть о смерти Петра Великого.

Биографии-портреты. Митрополит Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. Граф М.В. Толстой. Хроника моей памяти. Леонтьев К.Н. Отец Климент (Зедергольм) – иеромонах Оптиной Пустыни. Отклик И.А. Аксакова на кончину святителя Филарета.

Тексты беллетризованных биографий. Коваленский. Биография Сковороды. Леонтьев К.Н. Отец Климент (Зедергольм) – иеромонах Оптиной Пустыни. Н.С. Лесков. «Полунощники» (критика на Иоанна (Кронштадского)). Протопопов. Пьеса «Черные вороны». Три жизни Нестора (Анисимова). Горев М. На службе Богу. Из жизни русских подвижников XIX столетия. Толстой М.В., граф. Хранилище моей памяти.

Тексты путевых записок. Митрополит Платон (Левин). Путевые записки. Порфирий (Успенский). Путешествия. Иеромонах Климент (...). Из воспоминаний о поездке на Восток в 1860 году. Поездка за границу.

«Собственноручные записки о жизни своей епископа Иоасафа (Горленко), путешествие в свете сем грешника Иоасафа, игумена Мгарского» [1] и «Из записок архимандрита Фотия» [2] – это записки по годам тех событий, которые связаны, прежде всего, с их религиозной деятельностью.

Жанр понимается нами как речевое высказывание. Мемуары, таким образом, это речевое высказывание о своей жизни, о самом себе. Как правило, записки и дневники создаются не для публикации, пишутся для себя. Жанр становится формой, воплощающей смысл высказывания, обращенного к самому себе. Форма высказывания обозначается в духе Нового времени либо записками, либо дневниками, которые в большей степени ориентируются на летописный жанровый закон. Содержание жанровой формы

воплощается как агиографическое, для которого жанрообразующим становится хронотоп «кризисного жития».

Традиционализм мышления проявляется и в отборе жизненных событий (ранний выбор поприща, служба священником, болезни, сновидения, пророчества), в самом принципе их выстраивания в сюжете, и в видении жизни Иоасафом как «путешествия» «грешника», а Фотия – как борца против господствовавшего в тогдашнем обществе мистического настроения или, по его собственному выражению, «против масонов, иллюминатов, методистов, Лабзина, Сионского вестника и прочих». «Приходит Святая Пасха – и вызывается сверх чаяния старый ратоборец Фотий на подвиг...» [2, с. 930].

Автобиографии русских подвижников сближаются по форме, структурно, с летописным жанровым законом, по идейному содержанию и символично-богословскому смыслу – с житийным жанровым законом.

Погодный принцип записей у Иоасафа и Фотия более напоминает древнерусские летописи: воспоминания лапидарно фиксируются Иоасафом и очень пространно Фотием. А вот отбор событий соответствует агиографическим задачам.

События жизни, освещаемые в записках Иоасафа и Фотия, отражают их священническую деятельность.

Содержание записок Иоасафа полностью согласуется с жанровым законом жития святителя, в начале повествования традиционно говорится о рождении праведника от благочестивых родителей. Сразу же после первой записи о рождении (1705), пропуская рассказ о детстве, Иоасаф говорит о своем отроческом стремлении к монашеству. Его настойчивое желание стать монахом осуществилось уже в 1725 году.

Типологически записки Фотия можно отнести к житию протоиерея, отличительная особенность которых связана с целостным повествованием о жизни священнослужителя. Биографические факты становятся для Фотия предметом подробного рассказа и отдельные традиционные агиографические мотивы – «монах в миру», «монах и князь», «монах и царь», «монах и императрица», «молитва монаха», и т.п. – разрабатываются им как целостные законченные рассказы, которые непременно приурочены к церковным праздникам. Например, записи за 1822 год открываются рассказом о событиях, происходивших в течение великого поста и на Пасху. «Каждодневно Авва Фотий был зван то к тем, то к другим лицам на беседу о Господе, о Церкви, о Вере, о спасении души; на беседу же собирались знатные ученые бояре и боярыни, ревностные к слову и делу Святой Церкви и Вере, и по беседе в доме учреждаемы были питием и ястием во славу Божию» [2, с. 931].

И Иоасаф, и Фотий характеризуются как смиренные аскеты, строгие молитвенники и постники. Их пример оказывает сильное влияние на общество: пример Иоасафа – на братию монастыря, которая предлагает архиепископу Киевскому Рафаилу (Заборовскому) устроить в обители архимандрию и назначить архимандритом отца Иоасафа; пример Фотия – на тогдашнее петербургское общество и высшее духовенство.

О себе Фотий рассказывает, в отличие от Иоасафа, в третьем лице, ориентируясь, таким образом, на роль составителя собственной биографии именно по житийному образцу. Повествование о себе в третьем лице подчеркивает объективность позиции составителя.

Повествуя о своей жизни, Иоасаф очень внимателен к ее мистической стороне. Довольно краткие записки снабжены тремя рассказами о пророческих снах и видениях: 27 сентября 1740 года во время болезни рассказ о видении святителя Афанасия; март 1741 года на крестопоклонной неделе видении того же святого Афанасия и 10 сентября 1742 года сновидение о преосвященном Рафаиле, архиепископе Киевском, и предречении им сана архимандрита Иоасафу.

Фотий в своих записках предельно реалистичен, мистическим событиям в его повествовании места не находится, события его жизни сводятся к борьбе за истинную веру с теми, кого он считал противниками православия.

В целом автобиографии Иоасафа (Горленко) и Фотия (Спасского) представляют собой различные варианты осмысления жизни по образцу жанра жития. Они выстроены в соответствии с агиографическими жанровыми законами житий святителей и житие протоиереев.

Предметом рассмотрения в данной работе также является и мемуарно-биографический текст митрополита Иннокентия (в миру Ивана Евсеевича Попова-Вениаминова; 26 августа 1797, село Ангинское Верхотурский уезд, Иркутская губерния – 31 марта 1879, Москва) – епископа Православной Российской Церкви; с 5 января 1868 года митрополит Московский и Коломенский. Он стал первым православным епископом Камчатки, Якутии, Приамурья и Северной Америки, сподвижником генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского в освоении Дальнего Востока и просвещении его коренных народов. В октябре 1977 года был прославлен в лике святых Русской Православной Церковью в Америке в лике святителей как апостол Сибири и Америки. В 1994 году был прославлен в лике святых Русской Православной Церковью Заграницей.

Поводом для написания «Автобиографической записки» послужила статья, напечатанная протоиереем Громыным, касающаяся биографии Владыки Иннокентия с уточнениями и поправками, а также включением воспоминаний о детстве, воспитании, путешествии из Иркутска в Америку, которые вошли в 1858 году в статью святителя, но уничтоженную пожаром.

Автобиография Иннокентия (Вениаминова) построена по типу жития святителя-миссионера. Тип святительского служения формирует жанровый закон, лежащий в основу воспоминаний. При составлении произведения соблюдены основные требования для создания «Иконы святителя», как к образу русского святителя, так и к повествованию о нем. Требования жанрового закона сохраняются в произведении в виде «этикетных» черт при изображении святителя: храмостроительство, строгое отношение к проступкам сильных мира сего, суровость в борьбе за правду, учительное служение (проповедничество), борьба с ересями (или христианская проповедь язычникам).

Опыт традиционализма, наработанный за столетия, в переходный период продолжает осваивать мемуарно-биографический жанр, но, с другой стороны, этот опыт жанровой формой преодолевается, и степень преодоления или сохранения традиционализма приводит к разнообразию типологических форм мемуарных жанров.

Традиционалистская поэтика проявляется в биографии и прикладным характером, и нормативностью, и жанровым мышлением. Типологические формы биографического жанра в XVIII веке представляют различную степень проникновения в частный индивидуализированный образ либо с использованием традиционалистских способов, либо последовательной заменой их на способы нетрадиционалистские.

Традиционалистская поэтика мемуарно-биографических канонических жанров особенно ярко проявляется в следовании литературному этикету, предполагающему создание ситуаций в произведении по этикетным требованиям. «Литературный этикет и выработанные им литературные каноны – наиболее типичная средневековая условно-нормативная связь содержания с формой» [3, с. 81]. «Дело, следовательно, не только в том, что определенные выражения и определенный стиль изложения подбираются к соответствующим ситуациям, но и в том, что самые эти ситуации создаются писателем именно таким, какие необходимы по этикетным требованиям...» [3, с. 84]. Этикет словесный детерминирован этикетом поведения, который, в свою очередь, этикетом миропорядка. «Все вместе сливается в единую нормативную систему, стоящую над автором и не отличающуюся внутренней целостностью, поскольку она определяется извне – предметом изображения, а не внутренними требованиями литературного произведения» [3, с. 90].

Специфика проявления литературного этикета в мемуарно-биографических жанрах духовной словесности заключается в том, что в церковной сфере литературный этикет был более необходим и сохранялся дольше, чем в светской части литературы, в которой

прежде всего и совершалось разрушение литературного этикета, начавшееся с XVI века, а к XVIII веку система литературного этикета была частично заменена другой системой.

Канонические мемуарно-биографические жанры подчиняются этикетным нормам, закрепленным каноном средневекового жанра, например, агиографией или летописью.

Этикетность строго соблюдается именно в канонических мемуарных жанрах, там, где проявляется «идеализирующий биографизм» (Д.С. Лихачев). Там же, где проступает индивидуализирующий биографизм, там этикетность отпадает за ненадобностью.

Этикетны отступления в автобиографии в виде смиренных объяснений незначительности собственной персоны воспоминаний о собственной жизни: «Какая надобность знать – в тот или другой день я родился, в том или другом месяце помер отец мой?» [4], «Бог видит, как тяжело мне читать или слышать, когда меня за что-либо хвалят и особенно, когда сделанное другими или, по крайней мере, не мною одним приписывают мне одному. Признаюсь, я желал бы, если бы это было только возможно, чтобы и нигде не упоминалось мое имя, кроме обыкновенных перечней и поминаньев или диптихов. Но как это желание мое неудобноисполнимо (как, например, при исчислении архиерейских кафедр, и самая краткая история российской церкви не может не упомянуть обо мне), то я искренно желал бы, чтобы в подобных случаях сказано было обо мне так же, как, например, в предисловии к Евангелию, переведенному на Якутский язык, т.е. что это сделано при таком-то преосвященном: лучше, проще и справедливее этого, по-моему, быть не может», «... все мои путевые подвиги состоят именно только в том, чтобы двинуться с места, то есть решиться сесть в повозку или на судно; а там – если бы и захотел воротиться, да уж нельзя...» [4].

Этикетны упоминания о божественном произволе в судьбе человека: «Но виднее всего оказалась воля Божия о мне...», «а мне Господь судил отправиться тогда в Америку». «Пусть мой пример будет новым доказательством той истины, что от Господа исправляются человеку пути его и что все мы, служители церкви Его, не что иное, как орудие в руках его». Ему угодно было назначить мне поприще служения в Америке – и это исполнилось, несмотря даже на противление воли моей» [4].

Автор записок приводит жизненный пример несмирения, своеволия, отказа «от служения в столь важной и подобно апостольской миссии по причинам совершенно неуважительным...» [4]. Священник, не пожелавший отправиться в Америку с просветительской миссией, был отправлен в солдаты и после горьких раскаяний в своем упрямстве умер в Красноярске.

Типичный мотив агиографического жанра – избрание на епископство посредством жребия – в воспоминаниях Иннокентия воспроизводится применительно к условиям его жизни: «Консистория имеет дать жребий... диаконам и тот, кому падет жребий, должен отправиться непременно». Настал и день жребодаяния... Тому, кому пал жребий...» [4].

Обязательный мотив агиографического святительского жанрового закона – «учительство и служение в спасении всех» трансформируется в рассказ о миссионерских деяниях, о «подвиге просвещения»: «стал рассказывать об усердии Алеутов к молитве и слышанью слова Божия... – я вдруг, можно сказать, весь загорелся желанием ехать к таким людям. Живо помню и теперь, как я мучился нетерпением объявить мое желание преосвященному...» [4]. Святитель Иннокентий совершил просветительский подвиг, переведя Евангелие на якутский язык.

Таким образом, «Автобиографическая записка» святителя Иннокентия (Веннаминова) соответствует традиционалистской поэтике жанрового закона агиографии святителя Русской Православной Церкви.

Примечательным фактом влияния агиографического жанрового закона на составление собственной биографии является «Автобиография протопресвитера В.Б. Бажанова». Василий Борисович Бажанов родился 7 марта 1800 года в селе Миротины Алексинского уезда Тульской губернии. Священнослужитель Православной российской

церкви, протопресвитер, императорский духовник, богослов. В 1819 году окончил Тульскую Духовную семинарию, поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1823 году со степенью магистра. После окончания академии по 1829 год преподавал в ней английский и немецкий языки.

4 февраля 1826 года был рукоположен во иерея и был законоучителем во 2-м кадетском корпусе и дворянском полку. С 1827 года служил в церкви Санкт-Петербургского университета.

Преподавал Закон Божий в ряде учебных заведений (Санкт-Петербургский университет, Благородный пансион (1-я петербургская гимназия), Высшее училище (2-я петербургская гимназия), Главный педагогический институт). Лекции Василия Бажанова в университете и в 1-й петербургской гимназии имели широкую известность; его уроки в гимназии дважды посетил император Николай I (в 1834 и 1835 годах).

1 февраля 1835 года отца Василия назначили служить в малой церкви Зимнего дворца, а на следующий день назначили духовником и преподавателем Закона Божия наследнику престола — великому князю Александру Николаевичу. Для великого князя им было написано сочинение «Об обязанностях христианина», ставшее впоследствии пособием для преподавания нравственного богословия как в духовных, так и светских учебных заведениях. 11 апреля 1835 года Василий Бажанов был возведён в сан протоиерея.

5 декабря 1848 года Василий Бажанов был назначен духовником императора Николая I, а 12 декабря — протопресвитером придворного собора Зимнего дворца и московского Благовещенского собора. 3 апреля 1849 года протопресвитер Василий Бажанов стал членом Святейшего Синода и обер-священником Главного штаба, гвардейского и гренадерского корпусов (с 13 октября 1858 года его должность стала называться — главный священник гвардии и гренадер). После смерти императора Николая I Василий Бажанов стал духовником императора Александра II, а позднее Александра III.

Василий Бажанов в рамках учреждённого в 1862 году Присутствия по делам православного белого духовенства поддерживал преобразования, имевшие целью расширение прав и повышение значения белого духовенства. Принимал участие в проводимой Синодом работе по переводу Священного Писания на русский язык (Синодальный перевод). С 1836 года был действительным, а с 1844 года — почётным членом Императорской академии наук. 18 августа 1837 года получил степень доктора богословия. В 1856 году стал почётным членом Санкт-Петербургского университета. 20.02.1869 жалован дипломом на потомственное дворянское достоинство.

Занимался благотворительной деятельностью:

- по инициативе отца Василия была открыта Николаевская богадельня для престарелых священнослужителей военного ведомства, их вдов и сирот;
- в Тульской семинарии, где Василий Бажанов учился, на проценты от пожертвованного им капитала в 1878 году были учреждены две стипендии его имени;
- в своём родном селе Миротины на собственные средства отец Василий построил храм и школу.

Василий Бажанов скончался 31 июля 1883 года. Был похоронен в фамильном склепе на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

После себя В.Б. Бажанов, помимо трудов на духовном поприще и словесности, оставил записки очевидца событий русской истории и дворцовой жизни XIX века, а также отчет о своей деятельности, отданной им на пользу церкви.

В 1881 году во время болезни он начал диктовать по разным, ранее написанным им отрывкам, свою автобиографию, которая им доведена только до 1848 года, то есть до того времени, когда последовало назначение его духовником императора и членом святейшего Синода.

Автобиография была напечатана в 12 номере журнала «Исторический вестник» за 1883 год. Типологически мемуарное произведение В.Б. Бажанова сближается с

агиографическим жанровым законом жития протоиерея. Композиционно сохраняются основные житийные моменты от рождения, рассказе о благочестивых родителях, выборе священнического поприща, учебе в школе, семинарии и духовной академии, подвижнической деятельности до назначения духовником государя императора.

Более подробно В.Б. Бажанов рассказывает о своей семье, дает характеристики ее членам: деду – «дед мой, кроме школы, занимался садом, и обширный великолепный сад его доставлял ему значительный доход, и его посещали помещики» [5, с. 558], отцу – «отец мой был человек даровитый, добродушный, но не очень заботливый... наслушавшись советов не учившихся сверстников своих, никак не думал отдать его в семинарию...» [5, с. 558], особенно матери – «мать моя была разумная и заботливая и дом наш был достаточный» [5, с. 558], которая преждевременно скончалась в родах. Говорит также об условиях учебы в семинарии, сопровождаемой болезнями и трудностями, об их преодолении – «я летом ходил в семинарию босой, а зимой в лаптях. По недостатку средств к содержанию, я должен был на четвертом году оставить семинарию, но в это время меня приняли в архиерейский хор певчих... Через четыре года голос мой ослабел и я... должен был оставить помещение», «на втором году в академии здоровье мое само по себе не крепкое, очень расстроилось, как от усиленных трудов, так и от недостаточной пищи», «главную пищу в эти дни для нас черный хлеб и вкусный квас, что при сидячей жизни студентов вредно действовало на их здоровье, так что много было в нашем курсе даже умерших», «у меня открылось чрезмерное кровотечение из носа: кровь каждый день лилась ручьями, я пришел в совершенное истощение. И сделался просто скелетом» [5, с. 558-560].

Нетипичным для житийного жанра, но вполне характерным для автобиографии, может быть расцenen и подробный рассказ о женитьбе В.Б. Бажанова на бедной сироте Александре Федоровне, ее миловидности и нраве. Отмечаются трудности начала супружеской жизни: «жизнь нашу мы начали очень скромно; но привыкли к бедности, мы не тяготились недостатками».

Подробно автор биографии повествует о карьерном пути священника, снабжая рассказ характерологическими описаниями представителей духовенства.

К традиционным мотивам житийного жанра, воплощенным в автобиографии, необходимо отнести мистику сновидений и произвола Божьего. Сны предвещают важные события жизни рассказчика. «Через две недели я видел во сне погребение моей матери и весь день был очень печален, а к вечеру того же дня получено было мною извещение о кончине моей матери, умершей в родах», «один из товарищей моих, из старших, заболел; я видел во сне стоящим его в шапке; затем снявши с себя шапку, он подал ее мне и сказал: надень ее себе на голову. Вскоре он умер, а я назначен был на его место старшим», «помогло мне сновидение при следующих обстоятельствах: в этот самый день я приглашен был к одному из профессоров университета для совершения крещения над сыном его. Возвращаясь от него домой и проезжая мимо гимназии, я хотел заехать к себе на квартиру, так как до урока оставалось еще четыре часа; но вспомнив, что во сне я видел государя, домой уже не поехал, а остановился у гимназии... государь четверть часа слушал преподавание мое». В.Б. Бажанов пишет о судьбе, мистически руководимой волей Божьей – «но Господу угодно было указать мне путь к высшему служению!», «в это время Бог указал мне невесту... бедную сироту», «скудно было получаемое мною содержание; но при казенной квартире и бакалаврском жаловании, мы жили безбедно, были довольны своим состоянием и благодарили Бога», «как это произошло, до сих пор не могу объяснить себе. Так Богу было угодно – вот одно, что могу сказать на это» [5, с. 558-562].

Примечательной особенностью произведения является разработка мотива встречи священника с царем, инспектировавшим духовные учебные заведения, где работал В.Б. Бажанов. Плодотворное общение с царем предвещало назначение священника законоучителем царского семейства и духовником императора. Такие встречи были неоднократными. «С этого времени государь по-прежнему стал ко мне благосклонен, и после

первой исповеди, сказал семейству своему, что он в первый раз в жизни исповедовался. Не знаю, что эти слова означают, не то ли, как некоторые уверяли, что государь не исповедовал своих грехов перед духовниками, и духовники не предлагали ему вопросов, а прочитывали только молитвы перед исповедью и после исповеди» [5, с. 562-564].

Заключение

Изложенные в данной работе материалы представляют собой часть комплекса мемуарно-биографических произведений лиц духовного звания русской православной церкви синодального периода (1700-1890). Они включают в себя тексты, созданные в тот период, когда русская духовная литература проходила путь кристаллизации достижений средневековой поэтики и освоения содержательных форм поэтики Нового времени.

В соответствии с логикой исследования внимание обращено, прежде всего, на те мемуарно-биографические тексты духовной литературы, которые по жанровой специфике необходимо отнести к строгому жанровому закону. То есть их форма максимально совпадает с образцовой нормой и воплощает традиционалистский идеал. Биографические тексты духовной литературы не имеют прикладного характера, как это было свойственно каноническим житиям – в отправлении церковного культа и дидактике. Их названия уже не представляют собой жанровые определения с указанием на предмет повествования, не подчиняются внелитературным задачам, они не входят в состав «диффузных жанров», то есть не представляют собой «первичных форм» для образования более сложно организованных текстов, таких как Четьи-Минеи, прологи, патерики, истории.

В XVIII-XIX веках одновременно со строгим жанровым законом в мемуарно-биографической духовной литературе действовал «свободный жанровый закон», который находил выражение в новом видении писателем своей жизни и в беллетристических формах повествования о ней. Изучение типа биографизма Нового времени на материале духовной литературы представляет собой очередную филологическую задачу.

Библиографический список

1. Собственноручные записки о жизни своей епископа Иоасафа (Горленко), путешествие в свете сем грешника Иоасафа, игумена Мгарского // Литературные памятники Белгородчины. Антология. – Белгород: Белгородская областная типография, 2008. – С. 12-15.
2. Из записок архимандрита Фотия // Русский архив. – 1869. – 30. – С. 930-944.
3. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – СПб.: Алетей, 1997. – 508 с.
4. Творения Иннокентия, Митрополита Московскаго. Книга первая / Собраны Иваномъ Барсуковымъ. — М.: Въ Синодальной Типографіи, 1886 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russportal.ru/index.php?id=synodal_period.innocent_moscow1886_01_002
5. Автобиография протопресвитера В.Б. Бажанова // Исторический вестник. – 1883. – № 12. – С. 556-564.

References

1. Sobstvennoruchnye zapiski o zhizni svoej episkopa Ioasafa (Gorlenko), puteshestvie v svete sem greshnika Ioasafa, igumena Mgarskogo // Literaturnye pamyatniki Belgorodchiny. Antologiya. – Belgorod: Belgorodskaya oblastnaya tipografiya, 2008. – С. 12-15.
2. Iz zapisok arhimandrita Fotiya // Russkij arhiv. – 1869. – 30. – S. 930-944.
3. Lihachev, D.S. Poehtika drevnerusskoj literatury / D.S. Lihachev. – SPb.: Aleteya, 1997. – 508 s.
4. Tvoreniya Innokentiya, Mitropolita Moskovskago. Kniga pervaya / Sobrany Ivanom" Barsukovym". — M.: V" Sinodal'noj Tipografii, 1886 [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.russportal.ru/index.php?id=synodal_period.innocent_moscow1886_01_002
5. Avtobiografiya protopresvitera V.B. Bazhanova // Istoricheskij vestnik. – 1883. – № 12. – S. 556-564.